

В оставшееся время каждый был занят своим делом: Лу Циньянь не выпускал из рук сценарий, а Лао Ван увлечённо резался в мобильную игру. Лишних поводов для разговоров у них не находилось.

Дневные съёмки всё так же проходили в больничной палате. Согласно расписанию, Лу Циньяню предстояло не вставать с кровати до самой пятницы — только в субботу его персонажу наконец разрешили «спуститься на землю».

Впрочем, даже этот эпизод оставался парной сценой Линь Еци и Чу Фаня. Линь Еци, провалявшись в постели столько дней, только и грезил о том, чтобы поскорее встать и пройтись, но Чу Фань раз за разом отвечал ему жёстким отказом.

Более того, если Чу Фань отлучался по делам и оставлял Линь Еци под присмотром других, он заваливал их строгими наказаниями: следить в оба глаза и ни в коем случае не позволять больному подниматься с постели.

Линь Еци ничего не оставалось, кроме как смиренно лежать и слушаться Чу Фаня.

И вот, когда в субботней сцене Чу Фань наконец дал добро, напускная угрюмость Линь Еци должна была смениться искренней и немного наивной улыбкой.

«Немного наивной».

Так было чёрным по белому прописано в сценарии, и именно это заставило Лу Циньяня всерьёз приунуть.

Проблема не давала ему покоя: как, чёрт возьми, улыбнуться так, чтобы в этом читалась та самая «наивность»? Он бесчисленное количество раз тренировался в отеле перед ростовым зеркалом, но результат его категорически не устраивал. Никакой наивности в отражении не наблюдалось.

Раз сам не справлялся, оставалось только просить помощи.

А помочь могли либо режиссёр Фань, либо Вэнь Цзюэ. В итоге Лу Циньянь набрался наглости и решил сначала расспросить его. Как-никак, тот Киноимператор и наверняка умеет мастерски передавать любое состояние.

Из-за этого завтрашнего эпизода сон у Лу Циньяня был ни к чёрту. Он полночи ворочался с боку на бок, изводя себя этой «наивной улыбкой», и забылся сном лишь под утро.

Когда на следующий день Лао Ван увидел друга, тот уже успел взять себя в руки и нацепить привычную маску бодрости, скрыв усталость.

Однако Лао Вана провести не удалось.

— Сяо Янь-цзы, — воскликнул он, едва взглянув на него, — вид у тебя сегодня какой-то паршивый.

— Да нормально всё. Просто зачитался вчера, поздно за сценарий засел.

Понимая, что его раскусили, Лу Циньянь сообразил: раз Лао Ван заметил, то и остальные в съёмочной группе не слепые. За завтраком он набрал побольше еды, которая казалась ему вкусной, надеясь, что плотный приём пищи поможет взбодриться.

Позже, когда они прибыли на съёмочную площадку, Вэнь Цзюэ, разумеется, сразу разглядел и его состояние, и лёгкие тени под глазами.

И тут Лу Циньянь невольно задался вопросом: с чего это Вэнь Цзюэ так пристально за ним наблюдает? Он ему что, дорогу где-то перешёл?

Ну да, между ним и прежним владельцем этого тела были тёрки в прошлом, но сейчас-то он стараетсяшний раз к нему не лезть. Почему же тот всё равно смотрит на него так, будто у него за пазухой целый воз претензий?

— Ты сегодня не в духе. Что-то случилось? — спросил Вэнь Цзюэ.

В его голосе не было того недовольства, которое Лу Циньянь ожидал услышать. Напротив, прозвучали даже какие-то нотки участия. Но Лу Циньянь всё равно был твёрдо уверен: Киноимператор просто выжидает момента, чтобы над ним посмеяться.

— Всё в порядке. Просто не до конца разобрался в одной сцене, вот и не выспался, — ответил Лу Циньянь, стараясь звучать так же вежливо.

Обиды двухдневной давности он не забыл, но и тащить их в дальнейшую работу не хотел. Проще было припрятать их поглубже в душе и подождать, пока они сами не испарятся со временем.

— Понимаю. Мне это чувство знакомо.

Ожидаемая порция колкостей так и не обрушилась на его голову. Вэнь Цзюэ продолжал говорить вполне доброжелательно, его тон был даже мягче обычного.

Лу Циньянь в замешательстве украдкой окинул собеседника взглядом. «Странно, — подумал он. — Разве он не должен был сейчас вернуть что-нибудь язвительное на тему того, что я так бездарен, раз не могу разобраться в сценарии без потери сна?»

Видимо, он и впрямь накрутил лишнего. Едких слов так и не последовало, но поскольку Лу Циньянь слишком долго молчал, Вэнь Цзюэ в конце концов посмотрел на него как на дурачка.

Конечно, «как на дурачка» — это лишь личное восприятие Лу Циньяня. На самом деле на лице Вэнь Цзюэ отразилось лишь недоумение, приправленное толикой заботы, которую Лу Циньянь в упор не желал замечать.

— Лу Циньянь.

Раз никто больше не открывал рта — даже Лао Ван, который лишь мельком взглянул на них и уткнулся в телефон, изображая крайнюю занятость, чтобы не мешать, — Вэнь Цзюэ пришлось самому нарушить эту затянувшуюся тишину.

— Ты что, ещё не проснулся?

— Проснулся.

К удивлению Вэнь Цзюэ, Лу Циньянь, казавшийся до этого впавшим в ступор, ответил довольно быстро. Но стоило подождать ещё несколько секунд, как стало ясно: продолжать он не намерен.

— Ты сегодня и впрямь какой-то... заторможенный? — не выдержал Вэнь Цзюэ.

Он-то знал, что обычно в их паре молчаливым был он сам. Но сегодня всё перевернулось: вечно болтливый Лу Циньянь превратился в человека, из которого слова приходится вытягивать клещами, да и те — сухие и немногочисленные.

Такая перемена заставила Вэнь Цзюэ слегка нахмуриться. Не исключено, конечно, что парень действительно просто не выспался.

Лу Циньянь едва не выпалил: «Сам ты заторможенный!», но вовремя спохватился. Самообладание, которое он в себе возвращал, помогло избежать назревающей перепалки.

Однако, решив выразить свой протест более тонко, Циньянь встрепенулся и выдал встречный вопрос:

— Со мной всё в порядке. А вот с вами, Учитель Вэнь, сегодня что-то не так.

— Со мной? — Вэнь Цзюэ не выказал ни капли удивления или растерянности. Он лишь вскинул бровь и слегка наклонил голову, приглашая собеседника продолжить.

Сейчас он выглядел как человек, который полностью контролирует ситуацию.

Лу Циньянь, слишком занятый попытками как-нибудь его поддеть, этого не заметил и ответил честно:

— Мне кажется, вы сегодня слишком многословны.

Секунда, две, три...

Прошло больше десяти секунд, а Вэнь Цзюэ так и не сменил спокойного выражения лица на какое-либо другое. Самоуверенность Лу Циньяня, бывшая ключом в начале, начала медленно испаряться под гнётом тишины.

«Ну и ситуация... кажется, становится неловко».

Даже Лао Ван, который то и дело поглядывал на них из-за экрана, почувствовал себя не в своей тарелке. Он уже начал думать, что зря вообще здесь сидит: пусть бы эти двое сами разбирались со своей неловкостью, зачем его-то в это впутывать?

— Допустим, — наконец ответил Вэнь Цзюэ после долгого молчания. — Иногда я бываю разговорчив. В отличие от тебя — ты-то болтаешь без умолку каждый день.

Лу Циньянь, и без того не знавший, что сказать, после этой шпильки и вовсе лишился дара речи.

— Ладно, сдаюсь... — в сердцах бросил он, понимая, что вступать в бесполезные споры с Вэнь Цзюэ — себе дороже.

Время было ценным ресурсом для обоих, и тратить его на пустую болтовню было верхом безрассудства.

— Так что, Учитель Вэнь, — добавил он. — У вас ко мне какое-то дело? Если нет, то разрешите откланяться. У меня мало времени, нужно сценарий учить, я очень занят.

Вэнь Цзюэ ещё раз оглядел его и пришёл к выводу: даже когда этот парень пытается звучать уверенно, вид у него всё равно неважный.

Но раз тот не желает принимать его заботу, то и настаивать не стоит.

— Я подошёл только потому, что увидел, в каком ты состоянии. Решил потратить своё драгоценное время и напомнить: твоё самочувствие — это твоя проблема. Советую поскорее прийти в норму, чтобы не задерживать съёмки всей группе.

—... Понял.

Лу Циньянь буквально процедил эти слова сквозь зубы. В этот момент он ненавидел Вэнь Цзюэ так сильно, что готов был искрошить собственные зубы в порошок.

Его ярость была настолько очевидной, что Вэнь Цзюэ не мог её не заметить, но больше ничего не добавил.

По его мнению, спорить с таким простаком, как Лу Циньянь, было по-своему забавно, но злоупотреблять этим не стоило. Если доводить его так каждый раз, он, чего доброго, от злости коньки отбросит. А его жизнь стоило поберечь.

Когда Вэнь Цзюэ наконец ушёл, не оборачиваясь, Лу Циньянь с облегчением выдохнул.

Но стоило ему собраться с мыслями и уткнуться в сценарий, как краем глаза он уловил нечто странное. Повернувшись, он наткнулся на весьма выразительный взгляд Лао Вана.

— Лао Ван, ты чего на меня так вылупился?

— И что это сейчас было? — Лао Ван специально подождал, пока Вэнь Цзюэ отойдёт подальше, опасаясь, что тот может внезапно вернуться. — По-моему, тот тебя уделал.

— В чём это он меня уделал?! — Гнев, который Лу Циньянь только-только усмирил, вспыхнул с новой силой после слов друга. Но он всё же постарался сдержаться и не сорваться на крик. — Не лезь не в своё дело, играй давай!

— Да ладно тебе, не кипятись. Чего злиться-то? Проиграл и проиграл, с кем не бывает. В этот раз признаем поражение, а в следующий — постараемся отыграться!

«Тоже мне, утешитель нашёлся», — подумал Лу Циньянь, бросив на Лао Вана тяжёлый взгляд, недвусмысленно приказывая тому замолчать.

— Какое ещё поражение? О чём ты вообще болтаешь? Я не проиграл, не неси чушь!

Взгляд этот больше походил на скрытую угрозу, но Лао Ван был не из пугливых.

— Да брось, Сяо Янь-цзы. Вэнь Цзюэ парой фраз довёл тебя до того, что ты слова вымолвить не

мог, только зубами скрипел. Если это не победа, то что? А ты, соответственно, в пролёте.

— Да что за бред! Какие ещё «победы», какие «проигрыши»? Мы не соревновались, а просто нормально общались! Если не умеешь подбирать слова — лучше помалкивай, ты меня в могилу свести хочешь?!

«Нормально общались»... Произнося это, Лу Циньянь даже не покраснел. Наоборот, он выглядел на редкость убедительным в своей правоте.

Что ж, перед Лао Ваном, как перед своим человеком, он мог позволить себе быть таким. Сиди перед ним сейчас Вэнь Цзюэ, он бы наверняка уже давно стушевался.

«Стоп!»

Поймав себя на этой мысли, Лу Циньянь нахмурился и принялся подозрительно разглядывать друга. Лао Вану стало не по себе.

— Сяо Янь-цзы, ты чего так на меня смотришь? Мне аж не по себе стало...

Лао Ван явно занервничал, хотя и понимал, что не сказал ничего предосудительного. Его просто смутил этот напускной суровый вид друга.

— А не по себе тебе потому, что совесть нечиста, — Лу Циньянь смотрел на него беспристрастно, но взгляд его становился всё суровее. — Вот в толк не возьму: почему ты всегда на стороне чужих? Кто твой лучший друг — я или Вэнь Цзюэ? Чего ты вечно за него заступаешься?

— Сяо Янь-цзы, я не за него заступаюсь, я за справедливость.

Даже под таким давлением Лао Ван продолжал стоять на своём, не желая поддакивать другу.

Лу Циньянь едва сдерживался. Сначала Вэнь Цзюэ его довёл, теперь ещё и Лао Ван подливает масла в огонь. Он уже начал подозревать, не сговорились ли они за его спиной, создав какой-нибудь секретный «Альянс по доведению его до белого каления».

Лу Циньянь глубоко вдохнул и медленно выдохнул, стараясь успокоиться.

— Нет тут никакой справедливости. Мы просто поговорили, и точка. Без всяких победителей.

— Ну ладно, ладно, остынь. Ты же сам мне говорил, что тебе плевать, что там Вэнь Цзюэ будет говорить, если это не касается съёмки. С чего вдруг такая реакция?

— Да потому что это ТЫ меня выбесил! — Лу Циньянь твердил про себя: «Спокойствие, только спокойствие...»

— Ладно, не кипятись. Давай я тебя научу, как пар выпускать, — Лао Ван, видя, что друг из последних сил сдерживает гнев, наконец осознал свою ошибку и принялся примирительно похлопывать его по спине.

Затем он продолжил:

— Слушай, давай со мной в игру. Карта маленькая, режим «два на два», оружие сразу дают. Видишь врага — мочишь, видишь — мочишь. Звуки крутые, очки за фраги капаят — любая злость вмиг улетучится.

Он посмотрел на Лу Циньяня, лицо которого оставалось каменным, и добавил:

— Мы же всегда так стресс снимали, неужели забыл?

Про игру Лао Ван уже упоминал раньше. Прежний владелец тела действительно частенько составлял ему компанию в свободное время, и Лу Циньянь понимал, что в словах друга есть резон.

—... Помню, — ответил он, лихорадочно пытаясь отыскать в памяти хоть какой-то фрагмент их совместных игр, но безуспешно.

Игры он на дух не переносил, поэтому пришлось выкручиваться.

— Только я с этим завязал. Больше не тянет на все эти стрелялки. Лучше потратить время на то, чтобы в актёрском мастерстве подтянуться.

Стоило ему это произнести, как Лао Ван уставился на него, словно на инопланетянина. Затем он сокрушённо покачал головой и пробормотал себе под нос:

— Ну и ну... Переменился ты, конечно, до неузнаваемости. Ладно, сдаюсь... Твоя взяла. Грызи свой сценарий, мастер хренов. Глядишь, и впрямь скоро от своего позорного клейма избавишься.

Сказав это, Лао Ван запустил новый матч, оставив Лу Циньяня в полнейшем замешательстве.